

«Гаудеамус» играет «в жмурики»

Студии пытаются разгадать пьесы новых авторов

Мы, как всегда, расточительны: в спорах о кризисе театра проглядели целую плеяду молодых драматургов. Вот они, свободные и талантливые, — Алексей Шипенко и Владимир Сорокин, Олег Юрьев и Ольга Михайлова, Александр Селлярский и Михаил Угаров, представительство от лица рок-поколения, которому жить в следующем веке. «Я пишу стихи для тех, кто не ждет ответов на вопросы дня. Я пишу для тех, кто идет своим путем» (Константин Кинчев и группа «Алиса»). Их пьесы охотно ставит Запад и жарко обсуждают лаборатории драматургов при СТД СССР. Театры молчат: театрам боязно (рисковал только Марк Захаров, выпустив «Школу для эмигрантов» Дмитрия Липскерова), молодые режиссеры в «Творческих мастерских» предпочитают русскую классику, творчество обэриутов, абсурдистов и все, что угодно, кроме сочинений своих ровесников-драматургов. Вечная мука пишущего для сцены быть не прочитанным современниками...

Львовский театр «Гаудеамус» и его режиссер Борис Озеров вот уже тридцать лет опровергают эту истину. Когда-то основатели «Гаудеамуса», молодые инженеры и заядлые

кавээнщики, поставили «Утиную охоту» Вампилова про себя самих, создав один из самых пронзительных и точных спектаклей по этой принципиальной для своего времени пьесе. Потом, на годы опередив столичные сцены, сыграли Петрушевскую. Сегодня, презрев ностальгию по шестидесятым, они пытаются в наступившем хаосе слышать другую музыку. Борис Либет — Зилов 70-х — играет летчика в пьесе Шипенко «Ла фюньф ин дер люфт».

«Вседержатели слов, мы у вас отнимаем весь словарный запас» (Татьяна Шербина). Они действительно пытаются разять слово, ополщенное и обесцененное, чтобы найти его первоначальный смысл. Они считают, что игра честнее и реальнее нашей абсурдной, утопической жизни, поэтому их пьесы часто неправдоподобны и похожи на сны, фантазии, театр в театре. Легче всего увидеть в сюжете «Ла фюньф ин дер люфт» социальное дно, на котором кончают свои жизни сынофронтники, ставший алкоголиком, и его несчастная мать, продолжающая верить в «социалистические идеалы». Но перед нами иное — страшная сказка о том, как любовь двух самых близких на свете людей

оборачивается ненавистью, чисто советский парафраз на главные темы драматургии XX века, от О'Нила до Мрожека. Озеров и ставит про любовь — в его спектакле сын умирает не от белой горячки, а оттого, что умерла мать. Звучит «Элегия» Форе в исполнении Ростроповича, связующая высокое искусство с пародией, бредом, горькой усмешкой. Новый театр вбирает в себя все, кроме назидания.

Привычно снимая с современной пьесы ее верхний, реалистический или социологический слой, сцена, как правило, останавливается перед художественной загадкой, которую таит в себе каждое настоящее драматическое произведение. «Гаудеамус», до сих пор не имеющий в городе помещения, менее года тому назад получивший статус профессионального театра, считает, очевидно, что терять ему все равно нечего, и смело разгадывает «Игру в жмурики» Михаила Волохова, продаваясь через непривычную для наших подмошков лексику к трагедии людей-мутантов, одинаковых под любой маской. «Живем-то под одним серпом и молотом — вот души у всех и подровнялись», — как говорит один из ее героев.

И все-таки охотников рисковать

Сцена из спектакля «Ла фюньф ин дер люфт». Борис Либет (Сергей), Мария Алтухова (мать).

немного. Молчат новые пьесы. Уезжают их авторы. Шипенко сейчас в Германии, Волохов — во Франции. Алексей Казанцев написал странную, необычную для себя пьесу «Сны Евгении» — в Москве ее так никто и не поставил. Играют в Ленинграде, в студии Владимира Малищницкого, размещающейся в обычной квартире жилого дома на улице Желябова. Почти четыре

часа почти бесплатно девять актеров выворачивают наизнанку душу, чтобы объяснить зрителям таинственный смысл не похожего ни на что, ласковозь инсказательного драматического письма. Стараются найти новую гармонию, новый лад для старых созвучий. Разглядеть театр завтрашнего дня.

Нина АГИШЕВА.